

Субкоманданте Маркос
Насколько велик мир?
Февраль 2006 г.

Скопировано 2018-10-15 с
https://scepsis.net/library/id_591.html
Перевод с испанского Марии Десятовой

ru.theanarchistlibrary.org

Насколько велик мир?

Субкоманданте Маркос

Февраль 2006 г.

Посвятив целый день организационным собраниям Другой Революции (стоял сентябрь, предрассветная мгла, где-то вдалеке шел дождь), мы направились к навесу, где хранились вещи, и по дороге наткнулись на человека, который ни с того ни с сего спросил меня:

- *Послушай, Суп, так чего же хотят сапатисты?*

- *Изменить мир*, - не сбавляя шага ответил я.

Мы уже дошли до навеса и стали собираться в дорогу. Одна из наших, Эрика, дождалась пока я остался один, подошла ко мне и сказала:

- *Суп, но ведь мир такой большой*, - как будто хотела, чтобы я осознал, какую глупость сморозил, и думала, что на самом деле я, наверное, не понял, что сказал.

По привычке я ответил вопросом на вопрос:

- *Насколько большой?*

- *Очень большой*, - мягко ответила она, не отводя взгляда.

- *Да, но насколько?* - повторил я.

Она задумалась и ответила:

- *Больше, чем Чьяпас.*

Тут нас позвали - пора было отправляться.

Уже в лагере, позаботившись о Пингвине, Эрика пришла ко мне, держа в руках глобус - обычный глобус для начальной школы.

Она поставила его на пол: *«Вот Суп, на этом пяточке, вот тут, находится Чьяпас, а вот это все остальное - это мир»*, - проговорила она, ласково поглаживая глобус смуглыми руками.

- Хм-м, - протянул я, раскуривая трубку, чтобы собраться с мыслями.

- Ну что, видишь, насколько он велик? - не отступала Эрика.

- Да, но мы же не в одиночку собираемся его изменить, а вместе с товарищами из других стран.

Тут ее позвали в караул.

- И сколько у нас товарищей?, - в тон мне спросила Эрика.

Насколько велик мир?

Долина Теуакан, Сьерра-Негра, Сьерра-Норте, населенная часть штата Пуэбла. Из самых отдаленных уголков Другой Пуэблы приходят ответы:

Вот отвечает девушка из Альтепекси: *«По 12 часов в день мне приходится пахать на сборочном конвейере макиладоры, без выходных, без пособия, без страховки, без доплаты за работу в рождественские праздники, без процента от прибылей; терпишь придирки и самоуправство начальника или контролера сборки, если заболеешь, оставят без денег, а потом еще попадешь в черный список и ни на какой другой завод в макиладоре не возьмут; если начнем выступать, предприятие закроют, а патрон перейдет на другое место; транспорт не ходит, домой приезжаешь поздно, а тут тебе счет за свет, за воду, налоги, подсчитаешь - вся в долгах; даже воды попить негде, канализация не работает, а на улице вонь. А наутро, невыспавшаяся и полуголодная, опять на работу. Насколько велик мир? Настолько же, насколько я все это ненавижу»*.

Вот молодая индианка из племени мицтеков: *«12 лет назад отец уехал в Штаты, мама работает, шьет мячи. Ей платят по 10 песо за мяч, а если какой-нибудь окажется негодным, 40 песо удерживают. А потом, пока до деревни не доедет заказчик, вообще ничего не выплачивают. Брат тоже собирается уезжать. А мы, женщины, остаемся, на нас семьи, земля, работа. И бороться тоже придется нам одним. Насколько велик мир? Настолько же, сколько ярости мне придает эта несправедливость, от которой у меня все закипает внутри».*

В Сан-Мигель Тсинакапане пожилые супруги, переглянувшись, отвечают почти хором: *«Мир велик настолько, насколько велико наше стремление его изменить».*

Крестьянин-индеец из Сьерра-Негра, переживший не одно выселение, кроме пока что выселения из этой жизни: *«Нужно, чтобы он был очень большим, и поэтому нужно, чтобы большой стала наша организация».*

Из Истепека, Сьерра-Норте: *«Мир велик настолько, насколько велико бесстыдство нашего правительства и «Анторча кампесина» (Antorcha Campesina), которая настроена против крестьян и только губит землю».*

Маленькая автономная школа в Уитсильтепеке, по телевизору идет передача повстанческой телестудии: *«Мир настолько велик, что в нем найдется место для истории нашей общины, ее труда и борьбы за то, чтобы с достоинством смотреть в глаза вселенной».*

Индианка, изготавливающая изделия народного промысла, из того же округа, что и покойная команданте Рамона, кивнув, добавляет негромко: *«Мир велик настолько, насколько велико чувство несправедливости, когда за свой труд мы получаем гроши, а необходимого нам всегда не хватает, потому что его так мало».*

Из предместий Гранхи: *«Похоже, он не такой уж большой, раз там не хватает места для нас, детей бедняков,*

нам достаются только ругань, тычки и колотушки, а мы пытаемся хоть чем-то прокормиться».

Из Коронанго: «Мир, может быть, и велик, но он умирает, потому что неолибералы отравили всю землю, воду и воздух. Он рушится, потому что, как говорили наши деды, если разваливается община, рушится мир».

Из Сан-Матиас-Кокойотла: «Мир велик настолько, насколько велико бесстыдство нашего правительства, которое только уничтожает то, что мы производим. Нам придется объединиться, чтобы защитить себя от правительства, которое, вроде бы, должно отстаивать наши интересы. Тогда они увидят, что совсем потеряли стыд».

Из Пуэблы, но из Другой Пуэблы: «Мир не так уж велик, ведь богатым не хватает того, чем они владеют, раз они пытаются отобрать то небольшое, что есть у бедных».

Молодая женщина, тоже из другой Пуэблы: «Мир очень велик, и нам не изменить его в одиночку, нам нужно объединиться, потому что по одному мы не справимся, на это не хватит сил».

Молодой художник: «Мир большой, но прогнул насквозь. Нас заставляют платить за то, что мы молоды. В этом мире быть молодым - преступление».

Сельский житель: «Каким бы большим он ни был, богатым его, получается, не хватает, раз они отнимают общественные земли, общественную застройку. Им мало места под их торговые центры и другие роскошества, поэтому они вторгаются к нам. А для нас, тех кто внизу, места не остается совсем».

Рабочий: «Мир велик настолько, насколько велик цинизм продажных политиков. И они еще говорят, что защищают интересы рабочих. Там, наверху, собирается дерьмо: будь то владелец предприятия, представитель властей или профсоюзный лидер, пусть даже кажется, что они запели по-другому».

цветок прекрасного завтра. И в этом завтра Ибероамериканский университет станет общим для всех, бесплатным и светским, а в его коридорах и аудиториях появятся рабочие, крестьяне, индейцы и все те, кому сегодня там места нет.

Вот и все. Ваши ответы будут выложены 30 февраля в трех экземплярах: один для вашей совести, один для другой революции и один под заголовком, гласящим: «Предупреждение для тех кто наверху, наивно полагающих, что они там навечно».

Мексика, февраль 2006.

Из Другой Пуэблы. Суп Маркос. Шестой комитет САНУ

наверху погаснет. И он полон звуков, даже если наверху - гнетущая тишина. Он движется вперед, зажигая в каждом сердце надежду на светлое завтра, которое наступит благодаря тем, кто делает свое дело там, внизу. Если смотреть снизу, мир кажется таким большим, что в нем помещается множество миров и даже остается место - для тюрьмы, например.

Другими словами, если смотреть сверху, мир съезживается, и в нем нет места ни для чего, кроме несправедливости. А если смотреть снизу, мир огромен - в нем хватает места для веселья, музыки, песен, танцев, честного труда, справедливости, в нем ценится мнение и мысли каждого, пусть даже все они очень разные, если внизу они такие, какие есть».

Я едва поспевал за ним. Перечитав ответ Дурито, я спросил:

- А короткий ответ?

- Вот тебе и короткий ответ: мир велик настолько, насколько велико сердце, которое сначала болит, а потом включается в борьбу вместе со всеми остальными, кто находится внизу и слева.

Дурито ушел. Я продолжал записывать, пока в небе таяла луна и отступала ночная сырость... Вот я бы предложил ответ. Представив, что я собственными руками распускаю ее волосы и саму ее, что мой вздох ласкает ее ухо, а губы движутся вверх и вниз по ее возвышенностям, я понимаю, что мир так же велик, как велико мое желание.

Или, если более пристойно, пытаюсь сказать, что мир так же велик, как бред, что его можно сделать «другим», как ухо, которое должно быть большим, чтобы слышать все голоса снизу, как общее желание других прорываться против течения, объединяя повстанцев внизу, пока наверху одинокие отдаляются друг от друга.

Мир велик так же, как колючий куст возмущения, который мы растим, зная, что именно на нем распухнет

В Другой Пуэбле светает. Пуэбла не перестает удивлять нас на каждом шагу. Мы только что позавтракали, и я обдумываю, как ответить на вопрос. Внезапно из-под двери просовывается маленький чемоданчик и тут же застревает. С другой стороны раздается пыхтение - кто-то пытается его пропихнуть. Наконец чемоданчик оказывается в комнате, а за ним проползает какой-то жучок. Будь я не в Пуэбле, пусть даже в другой Пуэбле, а где-нибудь в горах юго-востока Мексики, я готов был бы поклясться, что это Дурито. Отмахнувшись от невеселых мыслей, я возвращаюсь к блокноту, где записал вопрос, вызвавший этот неожиданный обмен мнениями. Пытаюсь продолжить писать, но ничего не идет на ум. Так я и сижу, силясь придумать что-нибудь вразумительное, но вдруг чувствую, что на плече у меня кто-то сидит. Я уже хотел было его сбросить, но тут услышал:

- Табачку не найдетсЯ?

«Знакомый голосок», - подумал я.

- Сам ты голосок! Завидуешь моему мужественному бархатному баритону? - возмутился Дурито.

Сомнений больше не было, и, скорее смирившись, чем обрадовавшись, я воскликнул:

- Дурито!

- Никакой не Дурито! Я великий борец с несправедливостью, спаситель обездоленных, утешитель безутешных, надежда слабых, недостижимая мечта всех женщин, любимый герой всех детей, тот, кому завидуют все мужчины, я...

- Хватит уже! Ты похож на кандидата на выборах, - попытался я остановить словоизлияния Дурито. Мне, однако, не удалось, потому что он продолжал:

- я самый доблестный из всех когда-либо удостоенных звания рыцаря, я Дон Дурито Лакандонский. Что подтверждено печатью настоящего правительства.

С этими словами Дурито показал мне отпечаток на своем панцире, гласивший: «Подтверждаю. Чарли Паркер, сапатистский повстанческий автономный муниципалитет (MAREZ)».

- Чарли Паркер? Я не знал, что у нас есть такой муниципалитет. По крайней мере, когда я уезжал, не было, - озадаченно протянул я.

- Конечно, не было. Я основал его прямо перед тем, как прибыть тебе на помощь, - ответил Дурито.

- Странно, я просил прислать табака, жуков я не просил, - возразил я.

- Я не жук, я верный рыцарь, который прибыл, чтобы помочь тебе найти выход из затруднительного положения, в которое ты попал.

- А что, я попал в затруднительное положение?

- Разумеется, и не надо тут изображать Марио Марина, припертого к стенке. Ты в затруднении или нет?

- Затруднение, да, пожалуй, пусть будет затруднение. Хорошо, у меня затруднительное положение.

- Видишь? И что, ты хочешь сказать, что не мечтал о том, как я, верный рыцарь, приду к тебе на помощь?

На секунду я задумался.

- Нет. Знаешь, пожалуй что нет.

- Да ладно, не пытайся скрыть огромную радость и ликование, которое ты испытываешь, видя меня вновь.

- Лучшие скрою, - обреченно вздохнул я.

- Ладно, ладно, заканчиваем, хватит рукоплесканий и фейерверков. Где тот злодей, которого я должен сразить наповал одной левой нижней лапой? Где Камель Насиф, Саккар Кюри и прочие мерзавцы?

- Никаких злодеев, никаких мерзавцев. Мне нужно ответить на вопрос.

- Вопрос так вопрос, - не смутился Дурито.

- Насколько велик мир? - спросил я.

- Есть два ответа - короткий и длинный. Тебе какой?

Я посмотрел на часы. Три часа ночи, глаза слипаются, ключю носом, поэтому я без колебаний выбрал:

- Короткий.

- Короткий, да? Ты что, думаешь, я тащился за тобой через восемь штатов Мексиканской Республики только для того, чтобы ты выбрал короткий? Держи карман шире, ни в коем случае, так не пойдет, нет, нет и нет.

Ладно, - сдался я. - Давай длинный.

- Получай, мой носатый кочевник! Записывай.

Я взял ручку и блокнот. Дурито начал диктовать:

«Если смотреть сверху, то мир кажется маленьким и зеленым, цвета доллара. Он чудесно смотрится в индексах цен и котировках рынка ценных бумаг, в прибылях транснациональных корпораций, в предвыборных опросах страны, пережившей угон собственного достоинства, на дисплее космополитичного калькулятора, где складываются капиталы и вычитаются жизни, горы, реки, моря, весны, истории, целые цивилизации, в крошечном мозгу Джорджа Буша-младшего, в близоруком взгляде дикого капитализма, вырядившегося в неолиберальные шмотки. Если смотреть сверху, мир кажется очень маленьким, потому что человека не видно, зато видно номер банковского счета, а из перемещений только перемещение депозитов.

Но если смотреть снизу, мир простирается так далеко, что одним взглядом его не охватишь, нужно много разных взглядов, чтобы сложилась полная картина. Если смотреть снизу, мир состоит из множества других миров, и почти все они окрашены в цвета потерь, бедности, отчаяния, смерти. Мир внизу растет вширь, особенно влево, и он многоцветен, в нем столько же красок, сколько людей и историй. Он может расти и в обратном направлении, по ходу истории, которую творит этот нижний мир. И к самому себе, за счет борьбы, которая будет освещать его, даже если свет